

Русская графиня открывает Америку*

Адель Линденмейер

Пароход «Champlain» бросил якорь в нью-йоркской гавани в холодный день 26 января 1939 года после недельного перехода через просторы Атлантического океана. На борту среди сотен беженцев из Европы, в том числе множества евреев, стремившихся уехать подальше от наступления нацистов, была одинокая русская дама, прибывшая из Праги. Ей было 67 лет, и она была внесена в список пассажиров под именем Sophie Pamina. Инспектор иммиграционной службы отметил ее хорошее здоровье и разрешил ей въезд в страну¹.

Не в первый раз графиня Софья Владимировна Панина (1871–1956) должна была начинать новую жизнь в новой стране. Покинув Россию в 1920 году, она успела пожить в Англии, Франции и Швейцарии перед тем, как поселилась в Праге в 1924 году. Ситуация в Чехословакии после оккупации нацистами Судетской области в октябре 1938 года заставила ее снова тронуться в путь. В некотором роде история графини Паниной сходна с историями миллионов людей, на судьбы которых оказали влияние войны, революции и массовые перемещения народов в XX веке. Ее судьба могла бы стать типичной для того времени, но Софья Панина была далеко неординарной личностью.

Графиня Панина была одной из известнейших женщин своего поколения. Она выросла в Петербурге в богатой аристократической семье, получив огромное состояние от своего деда, графа Виктора Никитича Панина (1801–1874), министра

Графиня С. В. Панина.
Ок. 1913 г.
Центральный Государственный
Архив Кинофото документов.
Санкт-Петербург, G7534

юстиции при Николае I и Александре II. Она закончила с отличием Училище Ордена св. Екатерины, была представлена ко двору, вышла замуж за состоятельного молодого офицера из влиятельной семьи Половцовых. Но еще в молодости она отвернулась от высшего света и использовала всю свою энергию и немалое состояние для просвещения рабочих в Лиговском народном доме, созданном ею в 1903 году².

Хотя ее отчим Иван Ильич Петрункевич (1844–1928) был одним из основателей Кадетской партии, графиня Панина занялась политикой только после падения Романовых. В период с февраля по ноябрь 1917 года она была одной из немногих женщин, игравших значительную роль в революционных политических кругах, и стала первой женщиной в мировой истории, занявшей правительственный пост. В мае ее назначили Товарищем министра государственного призрения, а в августе – Товарищем министра народного просвещения. В конце ноября она была арестована и стала первым «врагом народа», представшим перед большевистским революционным трибуналом³. Покинув столицу после недолгого заключения, она провела Гражданскую войну на юге России. Поражение белой армии заставило ее навсегда покинуть родину.

Для графини Паниной решение уехать из Праги в конце 1938 года было нелегким, несмотря на военные тучи, сгущавшиеся над ее головой. Более десяти лет Прага была ее домом, где она возглавляла «Русский очаг», созданный для эмигрантов при поддержке чехословацкого правительства. Она находила утешение в своем маленьком домашнем мирке: пожилой отчим, мама Анастасия Сергеевна Петрункевич (1850?–1932), и часто хворавший Николай Иванович Астров (1868–1934), бывший лидером кадетов, который в изгнании стал постоянным компаньоном Паниной. Но к середине 30-х годов все трое умерли. Хотя «Русский очаг» продолжал свою деятельность, правительство сократило финансирование.

* Автор выражает признательность Владимиру Дмитриевичу Леховичу, любезно предоставившему документы и фотографии из своего личного собрания. Также автор благодарит Фонд им. Д. С. Лихачева (Санкт-Петербург) и Национальный Фонд поддержки гуманитарных наук США (National Endowment for Humanities).

Портрет Графини С. В. Паниной.
Худ. И. Е. Репин. 1909 г. ГРМ

Графиня испытывала боль потерь и одиночество. «Вообще жизнь здешняя становится все скуднее и скуднее, во всех отношениях»*, писала она своей подруге Татьяне Алексеевне Бакуниной-Осоргиной (1904–1995) в 1937 году⁴.

Ситуация катастрофически ухудшалась после подписания Мюнхенского соглашения. В письме к Александре Федоровне Родичевой (дочери лидера кадетов Ф. И. Родичева) графиня Панина сравнивает Чехословакию в октябре 1938 года с воюющей страной: границы на замке, банки закрыты, железные дороги не работают, безработица растет, власти начинают выселять русских. «Так-то отражаются великие события на судьбах маленьких людей. Все что теперь здесь происходит напоминает мне наш 18-й год, до ужаса. Надо признаться, что переживать это вновь – не весело». В разгар этого кризиса она неожиданно получила американскую визу от своего сводного брата Александра Ивановича Петрункевича (1875–1964), профессора Йельского университета (Yale) в Соединенных Штатах. Ей очень не хотелось покидать Прагу, как она объясняла Родичевой, но у нее не было альтернативы: «...только в Америке я смогу еще что-нибудь заработать»⁵. Графиня Панина добралась до Парижа к середине декабря⁶, и 18 января 1939 года она была на борту

корабля, следовавшего из Гавра в Новый Свет.

Для новой иммигрантки было вполне естественным поселиться в Нью-Йорке или его окрестностях. Здесь проживало много русских, были свои церкви и общественные организации. Дом ее сводного брата находился в Нью-Хейвене (New Haven), недалеко от Нью-Йорка. Она была тепло принята овдовевшим Петрункевичем и другими Йельскими профессорами русского происхождения, среди которых был историк Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973). «Pete», как здесь называли Петрункевича, был одним из выдающихся энтомологов в мире. Его любили в Йеле, где он преподавал с 1910 года. В лаборатории, полной тарантулов и других паукообразных, он проводил еженедельные общественные собрания, на которых угощал всех крепким русским чаем, приготовленным на бунзеновской горелке⁷. Однако графиня Панина оставалась в Нью-Хейвене только два месяца. Она поняла, что здесь не сможет зарабатывать на жизнь, а «нахлебницей» у брата становиться не хотела. Нью-Йорк был для нее «не по годам

Графиня С. В. Панина со своим сводным братом А. И. Петрункевичем. Нью Хэйвен. США (New Haven, USA). Фото любезно предоставлено Владимиром Леховичем

и слишком утомителен»⁸. Графиня решила искать удачи или, по крайней мере, возможности прокормить саму себя в Калифорнии.

Примерно год Софья Панина жила в Лос-Анджелесе. Мягкий климат Калифорнии, красота ее природы очаровали ее. Она восхищалась городскими рынками, где японские торговцы выставляли

Alexander Petrunkevich

Профессор А. И. Петрункевич с «другом».
Фото любезно предоставлено Йельским Университетом, США (Yale University, USA)

ослепительные ряды фруктов по ценам столь низким, что она могла есть их каждый день, «несмотря на скромность моего бюджета». Ей нравились маленькие одноэтажные домики Лос-Анджелеса, каждый со своим садиком⁹. Лос-Анджелес ей казался таким большим, что он вовсе не был похож на город. У каждого здесь свой автомобиль, автобусы возят только «таких пролетариев, как я»¹⁰. Предприимчивой графине удавалось зарабатывать частными уроками французского, случайными переводами, и рукоделием: на Рождество она делала кукол в национальных чешских и словацких нарядах, а на Пасху продавала раскрашенные писанки¹¹.

Панина опубликовала свои «Калифорнийские впечатления», состоявшие из трех эссе, в парижской эмигрантской газете «Последние новости» в 1939 году¹². Одно из эссе описывает спектакль в Негритян-

* Здесь и далее в цитатах сохранены стиль и пунктуация оригинала (прим. перев.).

ском Театральном Проекте в рамках программы президента Франклина Д. Рузвельта, призванной обеспечить занятость безработных людей искусства¹³. Мюзикл под названием «Бегите, дети, бегите» («Run, little Chillun'!») открыл для нее жизнь афроамериканцев, чья искренняя религиозность глубоко тронула ее. Более скептически она относилась к другому типу американской религиозности, который она наблюдала в Лос-Анджелесе. Во втором эссе она описала свое посещение огромной церкви, построенной Эми Семпл Макферсон (Aimee Semple McPherson, 1890–1944). Здесь графиня прослушала проповедь знаменитой евангелистки, стиль которой она оценила как показной. Самореклама евангелистки была отвратительна графине, которая никогда не афишировала свою филантропическую деятельность.

Третий скетч «Калифорнийских впечатлений» описывал группу американских женщин, которые называли себя «Pro America». Графиня посетила несколько собраний этой патриотической организации. «Деятельность организации Pro America», восторгалась она – «показалась мне достойной внимания всех друзей демократического строя и нашего, женского, в частности, ибо я редко видела такое соединение воодушевления, энергии, ума и дисциплины в преследовании тех культурных задач, которые стоят перед каждым сознательным гражданином свободной страны»¹⁴.

Путешествие в Аризону в августе 1939 года было полно экзотических впечатлений. Дочь Петрункевича жила со своим мужем, которого графиня описывала как «настоящего ков-боя», на ранчо в горах. Пейзаж напомнил графине о Крыме. Пока ее сводный брат ловил скорпионов и других «прелестей», сама Панина ходила по горам, надеясь, что не встретит гремучих змей¹⁵. Но краткий период приятного и интересного знакомства со страной был прерван вспыхнувшей в Европе в сентябре 1939 года войной. Она писала Осоргиным о том, что впервые услышав о войне она «буквально замерла от ужаса». Многие из ее друзей и самых близких из оставшихся в живых родственников жили во Франции. Софья Панина чувствовала себя

одиноким и беспомощной: «...клянусь свою судьбу, что забралась в такие далекие края и угнетена своей бесполезностью»¹⁶.

К лету 1940 года графиня была уже снова на восточном побережье у брата, а осенью – в Нью-Йорке, где сняла комнату в квартире Александры Львовны Толстой (1884–1979). Как и графиня Панина, младшая дочь знаменитого писателя была эмигранткой поневоле. В течение десяти лет после Октябрьской революции Александра Толстая боролась с советской властью за наследие своего отца, но, в конце концов, сдалась и покинула СССР. В 1931 году она отправилась в Соединенные Штаты, где с трудом зарабатывала на жизнь лекциями. Софья Панина и ее младшая сестра Александра Толстая шли очень разными путями, которые пересеклись только в Америке, где для этих двух графинь нашлось общее дело¹⁷. Весной 1939 года они встретились в нью-йоркской квартире Бориса Александровича Бахметева (1880–1951), бывшего посла Временного Правительства в Соединенных Штатах. Здесь был создан комитет по оказанию помощи русским эмигрантам в Европе, который назвали «Толстовский фонд» в честь великого писателя¹⁸.

В правлении среди почетных членов были такие выдающиеся русские американцы, как композитор С. В. Рахманинов (1873–1943), художественный руководитель Бостонского симфонического оркестра

Александра Львовна Толстая
с отцом

С. А. Кусевицкий (1874–1951), и пионер авиации И. И. Сикорский (1889–1972). Бывший президент Герберт Гувер (Herbert Clark Hoover, 1874–1964), который был руководителем АРА¹⁹ в России в начале 1920-х годов, согласился стать Почетным председателем Фонда. Представители «белой» российской аристократии и профессора русского происхождения вошли в правление вместе с нью-йоркскими банкирами и элитой. В 1941 году Фонд получил в дар ферму Рид (Reed Farm), недалеко от Нью-Йорка²⁰. Здесь Фонд существует и по сей день²¹.

Софья Панина принесла в Фонд нечто гораздо большее, чем аристократический титул – свое очарование, блестящий английский, неутомимость в работе и разнообразный опыт. Помимо успешного руководства общественными организациями в Петербурге и в Праге, с 1921 по 1924 год она была представителем при Верховном Комиссаре по делам беженцев в Лиге Наций в Женеве. Вынужденная из-за угрозы нацизма покинуть свой дом в Праге, Панина сама оказалась затронута тем самым гуманитарным кризисом, ради преодоления которого был основан Толстовский фонд.

Сбор пожертвований среди американцев на новое дело привел графиню в уныние. Соединенные Штаты еще не оправались окончательно после Великой депрессии, к тому же война в Европе дала толчок многим другим, более «модным» безотлагательным проблемам. «...русские не в авантаже», – признавалась графиня в одном из писем. «Меня лично это бессилие ужасно мучает и я себя чувствую “никому не нужной” – состояние весьма отвратно»²². Из других писем становится очевидным, что она эмоционально разрывалась между чувством благодарности за то, что Фонд дал ей возможность помогать другим в беде, и чувством «отчаяния» от того, что она оказалась так далеко от Европы²³.

Во время войны Фонд сконцентрировал все свои скромные ресурсы для помощи русским эмигрантам и военнопленным в Европе. Но после войны деятельность Фонда стала чрезвычайно активной. Как и Организация Объединенных Наций, европейские и американское правительства и различные част-

ные организации, Фонд прилагал все усилия для того, чтобы помочь миллионам людей, заполнившим в Европе и на Ближнем востоке лагеря для так называемых «перемещенных лиц». Фонд организовал переселенческие пункты для беженцев из Советского Союза и построил специальные учреждения для тех, чей возраст не позволял им уехать в другую страну. В Нью-Йорке на графиню обрушился поток писем от людей нуждавшихся в помощи, искавших родственников, или просто желавших дать эмоциональный выход своим страданиям. Она была глубоко потрясена историями о судьбах русских в Европе. «До нас доходят ужасные сведения о всех видах русских людей, попавших теперь в рубрику так назыв. “displaced persons” (перемещенные лица. – О. М.) и просто невероятные сведения о том, как наша родина встречает своих возвращающихся пленных и «рабов» немецкого засилия... Толст. Фонд делает все, что может, чтобы пробить ту стену сознательного игнорирования, кот. окружила всех нас после Ялтинского соглашения»²⁴. Она критически относилась к западным правительствам и агентствам типа Администрации ООН по оказанию помощи и реабилитации (United Nations Relief and Rehabilitation Administration – UNRRA), чье руководство переселе-

С.В.Панина (слева) с неизвестной. Париж (?). 1950-е гг.
Фото любезно предоставлено Владимиром Леховичем

нием беженцев было, по ее словам, «преступно и идиотично», возможно, из-за того, что было принято решение о репатриации многих перемещенных лиц в СССР²⁵.

Те, кто писали из Европы лично графине, умоляя о помощи, конечно, не осознавали, что некогда богатой наследнице было уже за семьдесят, и она сама должна была как-то зарабатывать на жизнь. Помимо частных уроков, переводов и секретарской работы для Толстовского фонда, Софья Панина получила

платную должность личного помощника Александры Львовны в новом проекте – написании биографии ее знаменитого отца²⁶. Иногда слишком темпераментный характер А. Л. Толстой вызывал у нее раздражение, но исследования и редактирование рукописей были для Софьи Паниной не только способом заработать, но интеллектуальным стимулом²⁷. К тому же эта работа давала ей право на государственную пенсию в размере 50 долларов в месяц²⁸.

Ферма Рид, Вэллей Коттэдж, Нью-Йорк (Valley Cottage, New York).
Фото любезно представлены Библиотекой Вэллей Коттэдж (Valley Cottage Library, Valley Cottage, New York)

В послевоенные годы Софья Панина вела кочевой образ жизни. Летние месяцы она проводила в Нью-Хейвене, а остальную часть года – под Нью-Йорком, на Ферме Рид. Сын ее племянницы Евгенией Сергеевной Лехович вспоминает «тетю Софью» как «теплого, уютного человека», который хорошо уживался со всеми в доме. Хотя у нее никогда не было собственных детей, «для мой сестры Ольги и для меня», – продолжает он, – «она была приятнейшей дамой с улыбкой на лице, с массой вопросов и с манерой разговора, абсолютно лишенной снисходительности по отношению к любому из нас...»²⁹.

Остальные также вспоминали теплоту и щедрость графини.

Особенно она заботилась о беженцах. Толстовская ферма служила временным домом для тысяч людей, прошедших через европейские лагеря для перемещенных лиц в 1940-х и начале 1950-х годов³⁰. Один из этих людей вспоминал ее как добрую, но «величественную» женщину, носившую длинное серое платье в стиле рубежа веков и помогавшую иммигрантам учить английский³¹. В маленьком домике на Ферме, в котором она жила с тремя другими женщинами, графиня почти каждый вечер занималась английским и другими предметами с мальчиком-сиротой из Персии³². В то же время она продолжала тратить свои скромные сбережения на посылки родственникам и друзьям в разоренную войной Европу³³.

Ее мечта о возвращении в Европу наконец материализовалась, когда океанский лайнер доставил ее во Францию 1 сентября 1954 года. Она провела более года в Сент-Женевьев-де-Буа (Sainte-Geneviève-des-Bois), русском эмигрантском поселении в пригороде Парижа, но вернулась в США в конце 1955 года. Сохранившиеся письма не проливают свет на причину, по которой она не осталась в Европе, хотя давно мечтала об этом. Возможно, к тому времени, когда позади были почти сорок лет, в течение которых она не раз переезжала из страны в страну, она ощущала Америку в столь же большой или в столь же малой степени своим домом, как и любую другую страну. Более того, к 1954 году Софья Панина была уже гражданкой Америки³⁴.

Ферма Рид. Вэлей Коттэдж, Нью-Йорк (Valley Cottage, New York).
Фото любезно представлены Библиотекой Вэлей Коттэдж
(Valley Cottage Library, Valley Cottage, New York)

И все же, как у многих русских эмигрантов ее поколения, у нее были двойственные чувства по отношению к принявшей ее новой родине. Этические нормы и убеждения дореволюционной интеллигенции, которые она разделяла – вера в возвышающую силу культуры, служение народу – резко контрастировали с более прагматическими приоритетами, которые она наблюдала в американской жизни. В написанных ею в конце 1940-х годов воспоминаниях о Лиговском Народном доме в Петербурге открыто сравниваются русское бескорыстие и американские материалистические и индивидуалистические тенденции³⁵. Она писала А. Родичевой о том, что в американцах можно найти много хорошего, но в то же время в них есть много «недопеченого»³⁶.

Несмотря на долгие годы жизни в изгнании, Софья Панина никогда не переставала чувствовать себя русской. Как большинство эмигрантов первой волны, она преданно хранила традиции русской культуры, которые, по их мнению, большевики разрушили. Невежество американцев относительно русской культуры и истории расстраивало ее. С началом «холодной войны» ситуация стала еще хуже. В 1950 году графиня так описывала свое беспокойство по поводу антикоммунистических настроений в США: «Настроения враждебные здесь конечно нарастают, и хотя в какой-то мере

удается влиять на руководящие верхушки и добиваться разделения понятий “Россия” и “СССР”, но в массах народонаселения этого конечно не добиться и всех нас, как всегда, будут валить в одну кучу»³⁷. Она получала приглашения читать лекции о дореволюционной России, но отказывалась, считая, что было уже слишком поздно знакомить американцев с той Россией, которая исчезла целое поколение назад. Более того, она признавалась своей кузине Александре Михайловне Петрункевич, что потеряла надежду на ««просветление» человечества»³⁸ – поразительное и горькое замечание из уст женщины, которая посвятила всю свою жизнь делу народного просвещения.

В конце апреля 1956 года с графиней Паниной случился инсульт. Ее перевезли с Толстовской фермы в Рузвельтовский госпиталь в Нью-Йорке. Проходили недели, она то впадала в беспамятство, то сознание возвращалось к ней. В результате развившейся пневмонии Софья Панина скончалась 13 июня 1956 года. На панихиде в русской православной церкви Христа Спасителя в Нью-Йорке друзья положили в ее гроб три красных розы и вложили ей в руки икону Казанской Божьей Матери. После прощания на Толстовской ферме она была похоронена на расположенном неподалеку кладбище Новодивеевского монастыря³⁹.

Годы, проведенные Софьей Паниной в Соединенных Штатах, представляются противоречивыми. В ее письмах часто звучит мотив одиночества, печали, пессимизма. В то же время, во многих отношениях она успешно адаптировалась к своей второй невольной ссылке. Она прекрасно владела английским и, несмотря на возраст, сумела найти работу, пусть не всегда стабильную и хорошо оплачиваемую, но обеспечивавшую ей экономическую независимость и возможность помогать друзьям и семье. В Толстовском фонде она нашла применение своему многолетнему опыту социальной работы и возможность облегчать страдания других. Она открыла для себя экзотические пейзажи, культурные особенности и интересные социальные феномены. Жизнь в Америке позволила ей возобновить отношения со старыми друзьями, которые тоже оказались за океаном, которые разделяли ее отношение к дореволюционным ценностям и опыт революции и Гражданской войны. Она создала новую социальную сеть в русской колонии в Америке, установив душевные отношения со своим сводным братом, с семьей Леховичей и с Александрой Толстой. Это тесная компания друзей и соотечественников вместе с отменным здоровьем и необычайной энергией позволили графине оставаться активной и независимой вплоть до ее последней болезни.

Чем же тогда можно было объяснить меланхолию и пессимизм во многих ее письмах? Прежде всего, нетрудно увидеть, что страдания, перенесенные миллионами изгнанников в XX веке, отразились и в ее опыте. Дважды европейские войны заставляли ее искать новое пристанище, способ и цель существования на чужбине. Несомненно, это тяжело – в пожилом возрасте быть оторванной от любимых людей и от всего того, что связывало ее с Россией, с Петербургом. Работа в Толстовском фонде также иногда приводила ее в отчаяние. Душераздирающие рассказы бывших невольников, военнопленных и других жертв как нацистского, так и советского режимов, открывали крайнюю степень человеческих страданий, вызванных Второй мировой войной, в то же время напоминая ей о насилии и жестокости, свидетелем которых она была во время Гражданской войны в России.

Жизнь в Америке создавала свои проблемы. Человеку, жившему долгое время в Петербурге и Праге, было легче оценить экзотическую красоту аризонской пустыни, чем воспринять современные небоскребы и перенаселенность Нью-Йорка. Некоторые черты американского общества казались ей совершенно чуждыми, как, например, послевоенный приток в страну пуэрториканцев, чьи «дикие и примитивные

нравы» делали их «la peste de New York»⁴⁰. К тому же американцы казались не только невежественными в отношении России, но и совершенно безразличными к ее судьбе при советском режиме. Графиня была потрясена тем, что не делалось различий между советским коммунизмом и русскими культурными традициями, которые она так старалась сохранить.

Тем не менее, такие иммигранты, как графиня Панина оставили ценное наследие. Благодаря им американцы начали получать систематические сведения о России после Второй мировой войны. Они стали изучать русский язык в школах и в университетах, где его преподавали бывшие «перемещенные лица». Они стали читать русскую классику в колледжах под руководством таких профессоров, как Владимир Набоков, и знакомиться с русской историей по книгам таких историков, как Георгий Вернадский. Хотя Софья Панина могла и не знать обо всем этом в то время, но ее собственным даром принявшей ее стране было то же самое «просвещение человечества», которому она посвятила всю свою жизнь.

*Авторизованный перевод
О. И. Молкиной,
2010 г.*

¹ Passenger and Crew Lists of Vessels Arriving at New York, New York, 1897–1957. National Archives, Washington, D.C., ARC Identifier 300346, Record Group 85, Microform 715. Сведения о погоде в Нью-Йорке // New York Times, January 26, 1939.

² Сегодня – это Дворец культуры железнодорожников на углу Тамбовской и Прилукской улиц (прим. авт.).

³ Adele Lindenmeyr, «The First Soviet Political Trial: Countess Sofia V. Panina Before the Petrograd Revolutionary Tribunal», *The Russian Review* 60, no. 4 (October 2001), 505–25. Также опубликовано на русском языке в журнале «Всемирное слово». СПб., 2003. № 16. С. 82–90.

⁴ Письмо Софии Паниной Т. А. Осоргиной 16 V 1937 [Прага], Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC), Nanterre, France, Fonds Ossorguine, F delta rés 841 (3), chemise 2.

⁵ Письмо Софии Паниной А. Ф. Родичевой 18 X 1938, Прага, Columbia University, New York, Rare Book and Manuscript Library, Bakmeteff Archive (BAR), Rodichev Collection, Box 3, Folder Panina S. V., v. p. 1938–1951.

⁶ Почтовая открытка от С. В. Паниной Т. А. Осоргиной, Париж, 15 XII 1938, BDIC, Fonds Ossorguine, F delta rés 841 (3), chemise 2.

⁷ Некролог профессора Александра Петрункевича // New York Times, March 10, 1964.

- ⁸ Письмо Софии Паниной А. Ф. Родичевой, 10 IX 1939, Лос Анжелес, VAR, Rodichev Collection, Box 3, Folder Panina S. V., v. p. 1938–1951.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Письмо Софии Паниной Т. А. и Е. Н. Осоргиным, 5 IX 1939, Лос Анжелес, BDIC, Fonds Ossorguine, F delta r s 841 (3) (1–12), chemise 2.
- ¹¹ Письмо Софии Паниной Т. А. и Е. Н. Осоргиным, 9 янв. 1940, Лос Анжелес, BDIC, Fonds Ossorguine, F delta r s 841 (3) (1–12), chemise 2; письмо Софии Паниной кузине Irene Ourgousoff, 11 II 1940, Лос Анжелес, в частной коллекции В. Леховича. Писанка – расписанное пасхальное яйцо. (прим. перев.).
- ¹² «Калифорнийские впечатления гр. С. В. Паниной», 1939 г., VAR, Denikin Collection, Box 2.
- ¹³ О Негритянском Театральном Проекте см.: <http://www.blackpast.com/?q=aah/federal-theatre-project-negro-units>.
- ¹⁴ «Калифорнийские впечатления гр. С. В. Паниной», 1939 г., VAR, Denikin Collection, Box 2.
- ¹⁵ Письмо Софии Паниной Т. А. и Е. Н. Осоргинам, 5 IX 1939, Лос Анжелес.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Как дочь графа Толстого Александра Толстая также была графиней, но в отличие от Софии Паниной она предпочла не использовать свой титул ни в России, ни в Соединенных Штатах. (прим. авт.).
- ¹⁸ Александра Толстая, Дочь (London, Ontario: Zaria Publishing, 1979), 486–87.
- ¹⁹ «АРА» (ARA – American Relief Administration – «Американская администрация помощи») (прим. перев.).
- ²⁰ Paul B. Anderson, «The Tolstoy Foundation», *The Russian Review*, Vol. 17, No. 1 (January 1958), 60–61.
- ²¹ См. <http://www.tolstoyfoundation.org/>.
- ²² Письмо Софии Паниной Т. А. и Е. Н. Осоргиным, 9 янв. 1940, Лос Анжелес.
- ²³ На пр. письма Софии Паниной Т. А. Осоргиной, 5 X 1940, Нью-Йорк, и 26 II 1941, Нью-Йорк, BDIC, Fonds Ossorguine, F delta r s 841 (3) (1–12), chemise 2.
- ²⁴ Письмо Софии Паниной А. В. Тырковой-Вильямс, 21 X 1945, Нью-Хейвен, VAR, Tyrkova-Williams Collection, Box 2.
- ²⁵ Письмо Софии Паниной А. В. Тырковой-Вильямс, 30 III 1949, Нью-Хейвен, in *ibid*.
- ²⁶ Письмо Софии Паниной Т. А. Осоргиной, 18 V 1947, Нью-Хейвен, BDIC, Fonds Ossorguine, F delta r s 841 (3) (1–12), chemise 2.
- ²⁷ Александра Толстая. Отец: жизнь Льва Толстого (Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953).
- ²⁸ Письмо Софии Паниной А. М. Петрункевич, 23 IX 1953, Нью-Хейвен, BDIC, Fond Alexandra Petrounkevitch, F delta r s 892, chemise 3.
- ²⁹ Vladimir Lehovich, «Crimean Notes: A Glimpse into Family Matters», manuscript, December 1998, pp. 29–30, в частной коллекции В. Леховича.
- ³⁰ Tolstoy Foundation Inc. History, Aims and Achievements. New York, 1976.
- ³¹ Частное письмо автору от Профессора М. Ледковской, Рождество 2002–2003, Нью-Йорк. М. Ледковская приехала из Европы в 1951 г.
- ³² Письма Софии Паниной А. М. Петрункевич, 11 февр. 1952, 9 XII 1955, и 8 II 1956, Reed Farm, BDIC, Fond Alexandra Petrounkevitch, F delta r s 892, chemise 3.
- ³³ Письмо Софии Паниной А. М. Петрункевич, 23 IX 1953, Нью-Хейвен, BDIC, Fond Alexandra Petrounkevitch, F delta r s 892, chemise 3.
- ³⁴ United States Passport No. 283142 issued March 4, 1954, to Sophie Panin, в частной коллекции В. Леховича.
- ³⁵ Панина С. На Петербургской окраине // *Новый журнал*. 1957. Кн. 58 и 59.
- ³⁶ Письмо Софии Паниной А. Ф. Родичевой, 29 XII 1940, Нью-Йорк, VAR Rodichev, Box 3.
- ³⁷ Письмо Софии Паниной А. М. Петрункевич, 5 VIII 1950, Reed Farm, BDIC, Fond Alexandra Petrounkevitch, F delta r s 892, chemise 3.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Сведения о последней болезни С. В. Паниной – из письма от Mrs. P. Baranoff А. М. Петрункевич, 17 VI 1956, New York City, BDIC, Fond Alexandra Petrounkevitch, F delta r s 892, chemise 3, и писем А. И. Петрункевич от А. Толстой, Д. Лехович, и др. Alexander I. Petrunkevich Papers, Yale University, New Haven, Sterling Memorial Library, Historical Manuscripts and Archives Department, Series I, Box 1, Folders 13 and 14.
- ⁴⁰ «la peste de New York» (фр.) – «Нью-Йоркская чума» (прим. перев.). Письмо Софии Паниной кузине Irene Ourgousoff, 18 III 1956, Tolstoy Farm, в частной коллекции В. Леховича.

